

Альбина Мамаева

НЛО над Туруханском

Прораб в печали

Пойду к начальству, поставлю вопрос ребром — или пускай оклад подымат, или ухожу от нево.

Хто ишшо согласитца с этими шарамыгами работать? Счас дураков нету. Народ весь одичал, работать не хочут, а деньги давай... Всем лихо на белый свет глядеть. Дак сами виноваты — исповали этих пьяниц, оне и обуродовались наготово.

Утресь захожу в ихный балок — поглядеть, все собрались ли нет. Не поверишь, единово нету, штоб не с похмелья. В сторожке душина, рот захватывает. Што бродяги — одёжа с грязи лопатца, гаже некуды...

Прораб зашёл (какой-никакой начальник!), а оне сидят опохмеляютца... На работу не выгонишь. Дак с грехом пополам через велику силу двоём с бригадиром выкурили их из сторожки. Работа вся стоит, а им море по колено. Дак вить сказать никово нельзя — бóязно. Никаково слова до себя не допускают. Ишшо рот отворить не успешь, они уж окрысятца — заглядят с недобóром, зубами зачирчигают!.. Нелюбо, што напитокца не даём.

Вот ково мне делать? Не знаю. На пенсию уходить неохота... Я не скрываю: от моёво заработку не один рот кормитца. И ребята, и мнучата, все у нас. Да и нам хватат на беленьку после баньки... Да-а-а...

Тут ишшо одна закавыка... Покрутился я, покрутился, вижу, без стройки-то этой мне пока не обойтись. У нас вить трое сыновьёв. Дачу-то одному старшему успели обиходить, а у тех ишшо не у шубы рукав. В избях отремонтировали, счас бани строить начинают... Да у нас у самих фатера городска-то ишшо стоит недоделана. Я и не отпираюсь — весь матерьял отцель. Окошки переменяли, двери базарны наставили. И в уборной, и в куте всё плитками уклеил. Паря, пол — и тот сменил, штоб старуха не запиналась об пороги, — пушай по гладенькому под старось побегат.

Я вить не первый раз собираюсь уходить-то. Думаю, надо опровердатель, купить в лавке на одну комнату все матерьялы. Хотел поглядеть, если не шибко дорого обойдётся, дак чёрт с ним, уйду всё же. А как подшхитал, сколь на одну комнатёнку денег угна́л! Это вить ужасть! Это где народ таки деньжишши берёт? Цены-то на всё — выговорить язык не поворачиватца. Не все вить на стройках-ту

работают... А если ишшо и работников со стороны нанимать? Да никаких денег не хватит!

Уж сколь годов кручусь, как берёста на огне, придётца ишшо повертетьца. Хозяин работу требует, пьяницы работать не хочут, а я между имя — один кругом виноватый. Каждо утро голова болит: то ли эти сёдни зашибут, то ли хозяин завтра с работы пойдёт.

Сижу сёдни весь вечер — ум нараскоряку. Вынуждают всё же работать.

Штоб их всех гром разбил!

НЛО над Туруханском

Сижу я, девки, одна дома, рóсказни свои перечитываю...

И всё больше об нас, об бабах. Это хто чево? Промашка вышла! Нады будет про мужиков написать ково-нить.

Дак про них ково напишешь? Давай самовó пытатъ: расскажи да расскажи — хоть об охоте, хоть об рыбалке. Он у меня хоть и не тáмошний, не в Туруханском родился, а жись-то смолоду там прóжили. Ни с реки, ни из лесу не вылезат, только бы время от работы ослободилось.

— Вот из лесу ворочусь, расскажу чё хошь. А ты опиши, как с девками нЛО видали. Интересно вить.

А вправду, я пошто сама-то забыла? Вся худá! Нихто в голове не дёржитца.

С другой стороны — мне охота об чём-нить весёлом, а тут какой смех? Две ночи спать не ложилась, боялась глаза закрыть — до тово с ума сошла!

Дак вот, жили мы ишшо в Туруханском. Хозяин на Девято мая уехал в зимовьё, дров в избушки напилить к осенё. В мае день-то уж долгай стаёт, а всё равно в избе одной тоскливо, наипáче ночью...

И вот тебе — заходят девки с метеостанции. У Сими, у соседки, мужик в ночь работал, а Верин и вовсе улетел куды-то. Хотели сперва за чаем посидеть, да сомустились на́ берег сходить, поглядеть: лёд ишшо зимний или почернел? До угóру-то недалёко, шшитай — дорогу передти. Енисей в этом месте широкоушший, не на белый свет — в этом месте он сходитца с Нижней Тунгуской. Какэсь море-акьян, конца-краю не видать! Берег коромыслом. По леву руку от нас сам Туруханск, а по праву рыбозавод. Как крылья. А мы

в аэропорту, как раз посере́дке. В ту и в другу сторону да́леко видать...

А погода уж до чево баска́ была! Тишина... До-мой идти неохота. Стоим в кружок. Языками мёлем. Я лицом к рыбзаво́ду стою. Сколь говорю — не говорю, а сама всё туды поглядываю. Кто чево там виситца против деревни, над рекой-то? И всё на одном месте... Не могу понять: кака змея этот шарик повешала? С огоньками... Не знаю, хто как, а я таково не видывала. Сколь минут мы простояли, убей — не знаю. Меня как ободрало. Умом-ту поняла, што навроде он полетел... Только успела Симку в бок ткнуть, а он уж у нас! Ево бытто хто переставил. Глядим, висит от нас метрах в двух-трёх по дорожке. И невысо́ко, но рукой всё же не достать... Как вкопанный висит. Счас обрисую.

Бытто как стоит блюдце, а на нём шарик — не шарик... не знаю, как и описать... Как всё равно надули резиновый шарик до отказа густым дымом. Шарик сняли, а дым так и остался стоять, без оболочки. И в этом дыму горят две свечки. Или уж каки-то чудны ланпочки... Но огонь-то от них живой, как от свечей. На улице тишина, а оне колышутца...

Мы как стояли, так и околели! Схватились за руки, а от шарика глаза отвести не можем. Дышать-то перестали, не то што чево! А из донца показалась трубка да стала расширятьца. Сделалась как труба патефонная... И давай она тихоньку поворачиватца, бытто разглядывает всё кругом.

Дак вить чё? Мы, сколь глядели на нево, не мигнули ни разу, а ни одна не увидала, как из одного шарика сделалось два. Постояли рядом минутку, а потом полетели в разны стороны:

один — к взлётной полосе, другой — вдоль Тунгуски. Сколько мы там простояли, не знам. Опамытовались тоже все сразу. Ну, тут уж мы припустили так, што некогды было под ноги глядеть! Ни лывы, ни грязь, ни самуё дорогу — ничё не видали. Главно дело, вперёд-то шли, дак народу на улице порядошно было, а тут ни единой души! Вера-то побойчэй, убежала домой. А мы с Симкой обои боязливыв не на белый свет, побежали к нам. В избу заскочили, одна дверь закрючивает, друга шторы на окошках задёргиват... Залезли с ней на одно кресло. Так и просидели кочеряжкой до утра, боялись ноги на пол спустить. Сговорились никому не сказывать. На всякий случай. Ишшо подумают, што у нас с головой не всё в порядке...

Дак неуж всем трои́м померешшилось? Это как, всем — одинаково?!

Нам казалось, с полчаса на угоре простояли, а на время-то поглядели — целых три часа прошло!

Наутро девки с работы звонят: так и так, мол, в то время как наш шарик пролетел над аэродромом, погасли все до единой ланпочки даже на взлётной полосе! И, главно дело, оне вить погасли, а не перегорели! Все до единой! А их ланпочек-то, на аэродроме не перешшитать! Это тебе не шутки.

И над Тунгуской шарик рыбаки видали. Как летел, так и пролетел вдоль по реке. В тот же день в антернете карточку казали.

Ну и хто чево это было? Сказать, что пришельцы летали, язык не поворачиватца...

Одно хорошо — помешательства у нас не было, здря за голову переживали.